

СЕМЕЙНЫЙ КРУЖОК КОСТИ АЛЕКСЕЕВА

Анна Чепурнова
Фотографии предоставлены
ГЦТМ им. А.А. Бахрушина

17 января театральный мир отметит 150-летие со дня рождения Константина Сергеевича Станиславского. Театральное сообщество отметит эту дату сотнями акций, фестивалей, семинаров, конференций, премьер, публикаций, посвященных великому реформатору театра. Наш журнал решил оглянуться на начало этого грандиозного пути – на театральный кружок Кости Алексева в подмосковной усадьбе Любимовка, где были сделаны первые шаги на пути к режиссерскому театру. Эти публикации отсылают вас к альбому-каталогу Бахрушинского музея «К.С. Станиславский: эпоха тотального обновления театра», только что выпущенному Бахрушинским музеем, и к судьбе самой Любимовки, которая по-прежнему борется за право оставаться одним из очагов театральной культуры.

Говорят, что великими становятся либо благодаря, либо вопреки событиям собственного детства. Станиславскому повезло. Атмосфера первых лет жизни как нельзя более благоприятствовала развитию его таланта. Его родители – Елизавета Васильевна и Сергей Владимирович Алексеевы – обожали театр. Елизавета Васильевна впитала любовь к театру с молоком матери, известной французской актрисы Мари Варлей. Супруги Алексеевы абонировали на весь сезон ложи в итальянскую оперу и Малый театр и брали на представления свою семью, в которой было десять детей. Спектакли ставили и дома. Старший брат Станиславского вспоминал о постановке, в которой участвовали мать, отец и их родственник Савва Мамонтов. Когда дети подросли, родители стали и их приобщать к домашней сцене. В книге «Моя жизнь в искусстве» Станиславский рассказывает о представлении живых картин «Четыре времени года», в котором он участвовал «не то трех-, не то четырехлетним ребенком». Однако пишет, что спектакль ставился в Любимовке. Между тем это подмосковное имение его отец и тетя купили в 1869 году, когда Косте уже исполнилось

*Modio cor aliquam, cor se
dolore feugiam, quatetuer
sectem veraesto con ver
aliquis nonulputat lum
quating eummod tio
doloborper*

семь. Так что более точным представляются воспоминания сестры Станиславского Зинаиды Сергеевны, согласно которым Костя вышел на сцену в возрасте восьми лет. Он представлял Зиму, его сестры Зина и Нюша – Осень и Лето, а младший брат Юра – Весну. Юные Алексеевы выросли, их увлечение театром становилось все сильнее. Флигель, где они когда-то в первый раз выступали перед зрителями, со временем развалился. Тогда отец семейства (по выражению Станиславского, «чтобы держать детей поближе к дому») построил на старом месте новое здание с большим залом, в котором можно было давать спектакли.

«Обновить» его домочадцы решили 5 сентября 1877 года, в день именин Елизаветы Васильевны Алексеевой. На новой сцене они показали четыре коротенькие комедии. В двух из них принимал участие 14-летний Костя. А в качестве режиссера выступал его репетитор, студент Московского университета Иван Николаевич Львов.

Дебют Кости прошел не столь удачно, как он ожидал. Но это лишь подстегнуло его в желании постигнуть тайны артистического ремесла. И он воплощал свои мечты в жизнь в семейном кружке, за 11 лет существования которого, начиная с 1877 года, было поставлено почти 30 спектаклей. Репертуар состоял в основном из оперетт и водевилей. Позже в книге «Моя жизнь в искусстве» Станиславский объяснит подобный выбор: «Преимущество легкого жанра в том, что он, требуя большой внешней техники и тем вырабатывая ее, не перегружает и не насилует души сильными и сложными чувствами, не задает непосильных для молодых актеров внутренних творческих задач».

Первые несколько лет Алексеевский кружок репетировал и давал представления исключительно в Любимовке. Затем Сергей Владимирович и в своем доме у Красных ворот сделал театральный флигель (со зрительным залом, вмещавшим до 300 человек), и некоторые спектакли

стали показывать в Москве.

Семейный кружок постепенно разрастался за счет друзей дома. Чем он был для молодых Алексеевых? Сначала – для большинства – лишь приятным способом проведения досуга. Репетиции в Любимовке перемежались с гуляниями, купанием, шутивными розыгрышами. У молодых артисток появлялись поклонники, завязывались романы. Так, например, сестра Константина Сергеевича Зинаида влюбилась в одного из молодых актеров-любителей, врача Константина Соколова. И вышла за него замуж, хотя родители вначале и не одобряли выбор дочери.

Однако лидер семейного кружка Костя Алексеев с самого начала воспринимал домашний театр как нечто большее, чем просто развлечение на досуге. И во многом благодаря его усилиям мастерство «кружковцев» со временем сильно выросло. Они постепенно прошли путь от неумелых любителей, на вопрос об игре которых зрители конфузятся, до успешных артистов, о которых пишут в газетах.

Будущий создатель знаменитой «системы» на домашней сцене сделал первые

RUD DOLOBOR AD EU
 FACIDUISL UT IUSCIN
 ULPUT LAMETUE RIUSCI TAT
 VULLUM NULLUPTAT. UT
 PRAESSIT LA ALIT DELIQUAT
 LUPTAT. HENIM MAGNIM
 IRIL ER

шаги не только на актерском, но и на режиссерском поприще. Ведь его репетитор довольно скоро после первого представления покинул Любимовку. Но без домашних спектаклей юные Алексеевы уже не могли обходиться. «Необходим был режиссер, но, так как его не было, а играть хотелось страшно, приходилось самому стать режиссером», – вспоминал спустя годы Станиславский.

Первые представления начинающих артисты разыгрывали перед своими родственниками и знакомыми, среди которых были семьи Мамонтовых и Третьяковых. Но, по мере того как мастерство участников кружка росло, желающих посмотреть их искусство становилось все больше. Про последнюю постановку домашнего театра,

«Микадо», Константин Сергеевич писал: «Нам пришлось повторить спектакль четыре раза при битком набитой зале совершенно незнакомой публики. Мало того, после представления большинство просило позволения вторично приехать посмотреть тот же спектакль». На постановку любительского театра добиралась и пресса. О спектаклях Алексеевского кружка похвально отзывались, например, «Русский курьер» и «Московский листок».

Причиной такого успеха, стало, в частности, и то, что со временем на домашней сцене Алексеевых стали ставить пьесы, неизвестные московской публике. Дело в том, что члены этой семьи нередко выезжали за границу и, разумеется, посещали местные театры. Когда им особенно нравилась та или иная премьера, в магазинах приобретались текст и ноты к понравившемуся спектаклю. А потом он ставился на домашней сцене. Текст участники кружка переводили самостоятельно. Так было с опереттами «Жавотта» Эмиля Жонаса, «Мадемуазель Нитуш» и «Лили» Флоримона Эрве, «Микадо» Уильяма Гилберта и Артура Салливана. Удивительно, что оперетту «Мадемуазель Нитуш» в Алексеевском кружке показали всего через полгода после ее первого появления на сцене в Париже! Константин Алексеев играл Флоридора. Сестра Зина отзывалась о нем так: «Как всегда, Костя был очень хорош, особенно когда тихонько играл сочиненные им куплеты, упивался ими и очень боялся, что настоятельница услышит». Алексеевский кружок распался в 1888 году, когда его участники обзавелись собственными семьями и детьми. Каждый пошел своей дорогой. Впрочем, с некоторыми из «кружковцев» Константин Сергеевич позднее встречался и на профессиональной сцене. Так, например, его сестра Зинаида Сергеевна играла в Художественном театре и вела большую работу по подготовке преподавателей «системы» в Оперно-драматической студии К.С. Станиславского.

KOSTYA ALEXEYEV'S FAMILY DRAMA CLUB

Anna Chepurnova
Photos courtesy of the A.A. Bakhrushin
State Central Theatre Museum

On January 17, the theatre world will mark the 150th anniversary of the birth of Konstantin Sergeyeovich Stanislavsky. Theatre community will mark that date with hundreds of events, festivals, seminars, conferences, premieres, and publications dedicated to the great theatre reformer. Our magazine decided to take a look back at the beginning of this grand journey – at Kostya Alexeyev's drama club that met at the Lyubimovka estate northeast of Moscow, a place that marked the first steps on the journey toward director's theatre. These publications refer you to an album-catalogue titled «K.S. Stanislavsky: an age of total reinvention of theatre», newly released by the Bakhrushin Museum, and to the fate of Lyubimovka itself that is still fighting for the right to remain one of the centres of theatre culture.

They say that greatness is achieved either thanks to or in spite of the events that took place in one's childhood. Stanislavsky was lucky. The atmosphere of the first years of his life was exceptionally favourable for the purpose of fostering his talent. His parents – Yelizaveta Vasilyevna and Sergei Vladimirovich Alexeyev – adored theatre. Yelizaveta Vasilyevna absorbed her love of theatre with her mother's milk, being the daughter of the famous French actress Marie Varley. The Alexeyev family reserved boxes at the Italian Opera and the Maly Theatre for the entire theatre season, and took their entire family, which included ten children, to the performances. They also staged performances at home. Stanislavsky's older brother recalled one such production, where his mother, father and their relative Savva Mamontov took part.

RUD DOLOBOR AD EU
 FACIDUISL UT IUSCIN
 ULPUT LAMETUE RIUSCI TAT
 VULLUM NULLUPTAT. UT
 PRAESSIT LA ALIT DELIQUAT
 LUPTAT. HENIM MAGNIM
 IRIL ER PRAESSIT LA ALIT
 DELIQUAT LUPTAT. HENIM
 MAGNIM IRIL ER

When the children got older, their parents began introducing them to the home theatre stage. In his book “My Life in Art”, Stanislavsky talks about the production of a tableau vivant “The Four Seasons”, where he took part as “a child of three or four”. He writes, however, that the production was staged at Lyubimovka. Meanwhile, his father and aunt didn’t buy this Moscow-area estate until 1869, when Kostya had already turned seven. So the more precise recollections seem to be those of Stanislavsky’s sister

Zinaida Sergeyevna, according to whom, Kostya went on stage for the first time at the age of eight. He was portraying Winter, his sisters Zina and Nyusha were Autumn and Summer, and his younger brother Yura was Spring.

The young Alexeyev offspring were growing up, and their passion for theatre was getting stronger and stronger. The outbuilding, where they gave their very first performance in front of an audience, fell apart with time. Then their father (“in order to keep the children closer to home”, as Stanislavsky put it) constructed a new building in place of the old, adding a large audience hall for performances.

The family decided to do a trial run of the new building on September 5, 1877, to celebrate Yelizaveta Vasilyevna Alexeyeva’s name day. They presented four short comedies on the new stage. The 14-year-old Kostya took part in two of them. Ivan Nikolayevich Lvov, a student of the Moscow University and Kostya’s tutor, acted as director.

Kostya’s debut did not go as well as he had hoped. But this only served to spur him on in his desire to understand the secrets of the artistic craft. And he turned his dreams into reality within the context of the family drama club, which staged almost 30 productions during the 11 years of its existence, starting from 1877. The club’s repertoire consisted mostly of operettas and vaudevilles. Stanislavsky would later explain this choice in his book “My Life in Art” as follows: “The advantage of light entertainment is that, in demanding great external technique and thus developing it, it does not overload or ravish the soul with powerful and complicated feelings, does not assign internal creative tasks that are impossible for young actors to complete.”

For the first few years, the Alexeyev Drama Club rehearsed and performed solely at Lyubimovka. Then Sergei Vladimirovich put up another theatre outbuilding at his house near the Red Gate (with an audience hall for up to 300 persons), and they began showing some performances in Moscow.

The family drama club was gradually expanding, thanks to the family’s friends. What did it mean to the younger generation of the Alexeyev family? Initially, for the majority of them, it was nothing more than a pleasant way to pass the time. In Lyubimovka, rehearsals were interspersed with promenades, baths, practical jokes. Young actresses acquired their own admirers, they began having love affairs. Thus, Konstantin Sergeyevich’s sister Zinaida, for instance, fell in love with one amateur actor, a doctor by the name of Konstantin Sokolov. And she ended up marrying him, even though her parents did not approve of their daughter’s choice right away.

And yet, Kostya Alexeyev, the family club’s leader, from the very beginning viewed the home theatre as something much greater than simple leisure time entertainment. And it is largely due to his efforts that the skill of the “clubbies” increased greatly over time. They gradually worked their way from awkward amateurs to successful artists. And where before the audience would shy away in embarrassment in response to questions about their acting, they now had articles written about them in newspapers.

The future creator of the famous “system” took the first steps of his acting as well as directing career on the home stage. His tutor, after all, left Lyubimovka soon after the first performance. But the Alexeyev children could no longer live without home productions. “We needed a director, and, since we didn’t have one, and we wanted to play so badly, I had to become a director myself,” Stanislavsky recalled years later.

The budding artists staged their first performances in front of their relatives and friends, which included the Mamontov and the Tretyakov families. As the drama club participants’ skill grew, however, the number of people wanting to see them perform began growing as well. Konstantin Sergeyevich wrote the following about the home theatre’s last production “The Mikado”: “We ended up having to repeat the performance four times in front of

a packed audience that was completely unfamiliar to us. Moreover, following the performance, the majority of them asked our permission to come again to watch the same production.”

Representatives of the press visited amateur theatre’s productions as well. Newspapers such as “Russkiy Kurier” (“The Russian Courier”) and “Moskovskiy Listok” (“The Moscow Leaflet”), for instance, wrote very highly about the Alexeyev Drama Club’s productions.

The reason for such success was also the fact that, as time went by, the Alexeyev home theatre began presenting plays that were unfamiliar to the Moscow audience. The thing is that members of that family made frequent trips abroad and, naturally, visited local theatres, wherever they went. When they especially liked a particular premiere, they would purchase the text and the score for that production at a local store. And then they would stage that production at the home theatre. The drama club’s members translated the texts on their own. That was the case with such operettas as “Javotte” by Emile Jonas, Florimond Herve’s “Mam’zelle Nitouche” and “Lili”, and “The Mikado” by William Gilbert and Arthur Sullivan. The amazing thing was that the “Mam’zelle Nitouche” operetta was presented at the Alexeyev Drama Club a mere six months after its Paris premiere! Konstantin Alexeyev was playing the role of Floridor. His sister Zina said the following about his performance: “Kostya was very good, as usual, especially, when he was quietly playing the verses that he composed, reveled in them and was very worried that Mother Superior would hear him.”

The Alexeyev Drama Club fell apart in 1888, when its members settled down with their own families and children. Everyone went their own way. Though Konstantin Sergeyevich later collaborated with some of the “clubbies” on professional stage as well. Thus, his sister Zinaida Sergeyevna, for example, was an actress at the Art Theatre and did major work in training the “system’s” instructors at the K.S. Stanislavsky Opera and Drama Studio.